

Крашенинников Николай Александрович

Собрание сочинений

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Александрович К.**
Собрание сочинений: Том 7 / Крашенинников Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 183 с.

ISBN 978-5-519-91024-8

ISBN 978-5-519-91024-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Книга посвящается
Анатолию Федоровичу
Кони.*

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

ИЗЪ ГОЛОВЫ МЕДВѢДЯ.

I.

Жутко, непріятно становится на душѣ, когда ѣдешь ночью одинъ по глухой башкирской дорогѣ; и тянется она безконечною лентой, неровная, пыльная, черная; то стремится смѣло она съ горы, то плетется на гору, то вдругъ прячется, добѣжавъ до болота; и же знаешь, влѣво или вправо поворачивать лошасть; а лошадь глухо фырчитъ, нерѣшительно встуная въ воду; и чувствуешь, сидя на ней, какъ подрагиваетъ она, осматриваясь и отыскивая болѣе безопасный путь; осторожности ея довѣряешься весь и только туго держишь ее на поводу, предостерегая отъ паденія... Крутомъ толпятся или сонныя горы, или очернѣвшій лѣсъ; и отъ лѣса и отъ горъ на широкое разстояніе раскидываются черныя тѣни, еще болѣе увеличивающія мрачную обстановку дороги; луны не видно, она спрятана скалами; глазъ жадно ищетъ ея свѣтлаго диска и, увидавши въ ущельи, радуется, отдыхая...

И охотно играет въ этакія ночи воображеніе; смутно припоминаются рассказы о не такъ давно миновавшемъ времени грабежей и убійствъ; зорко осматриваешься, подъѣхавъ къ оврагу, не поджидаетъ ли тамъ съ топоромъ и арканомъ потомокъ легендарнаго башкирскаго грабителя-баранта Сафы; торчащій на дорогѣ полусгнившій пенъ ветлы представляется присѣвшимъ человекомъ, а камни башкирскихъ кладбищъ, невысокіе, полукруглые,—цѣлою шайкою дорожныхъ «батырей»... Вотъ мостъ черезъ рѣчку. На подстилкѣ его, состоящей изъ древесныхъ вѣтвей, тамъ и сямъ разбросана солома или вороха сѣна; почему знать? можетъ быть, этими ворохами завалены на мосту ямы, куда свалились черезъ голову лошади или вмѣстѣ съ нею? Надо слѣзать съ лошади и вести ее подъ уздцы; но и это достаточно страшно...

И не однихъ людей приходится остерегаться въ этой глуши; лѣса еще полны волковъ, рассказываютъ и про медвѣдей; стаи голодныхъ волковъ опаснѣе неуклюжихъ «топтыгиныхъ», а тутъ еще рыси, не столько, правда, страшныя въ дѣйствительности, какъ въ разказахъ о ихъ нападеніяхъ.

Кругомъ раздается немолчный и сухой трескъ кузничковъ; однообразный и мирный, ночью онъ навѣваетъ тревожныя мысли; гдѣ-то ухаеетъ сова, гдѣ-то произительно свищетъ сычъ, именуемый «чортомъ»; вотъ что-то темное перебѣжало дорогу. По длиннымъ ушамъ сейчасъ же узнаешь, кто: заяцъ; и это, какъ ни смѣешься надъ примѣтами, ужъ всколыхнуло нервы... Вотъ что-то бьется въ ногахъ лошади,—кроликъ или сусликъ; торопись дальше.

И ужъ начинается сердить хриплая пѣснь коростеля-дергача; надоѣдаютъ горячія перекликиванья шерепеловъ; настроеніе мрачнѣетъ съ каждой минутой, страхъ забираетъ все болѣе... Но вотъ башкирская деревня.

II.

Тоскливыя мысли приводятъ къ вамъ башкирскіе поселки своей подавляющей, лѣзущей отовсюду нищетою; сложенные изъ тонкихъ бревенъ хаты зимой совсѣмъ не сохраняютъ тепла; бревна кривыя, пригнанные по-дѣтски неумѣло; окна маленькія, неровныя, зачастую съ промасленной бумагой или бычьими распластанными пузырями вмѣсто стеколъ; самыя хаты крошечныя, почти игрушечныя, грязныя и пахучія; почти все мѣсто въ нихъ занимаютъ печь и нары—деревянный невысокій помостъ въ родѣ полатей,—на которыхъ и проходить вся домашняя жизнь башкира; на нихъ ѣдятъ, спятъ и принимаютъ гостей... Дома рѣдко ведутъ за собою плетень, сберегающій отъ козъ и овецъ нехитрый башкирскій огородъ; по большей же части стоятъ они одиноко, вразбродъ, лишеныя крышъ, вмѣсто которыхъ набросана изсохшая земля. Жуткой, безпомощной лѣнью и роковою апатіей вѣетъ отъ этихъ неприглядныхъ опустошенныхъ жилищъ.

На улицахъ—не то, что въ русскихъ селахъ—ни души. Все точно вымерло мгновенно и страшно; лишь кое-гдѣ, взглянувъ пристально, запримѣтишь совершенно голаго, перемазаннаго въ грязи, ребенка да тоскливо блеющую бородатую козу.

Войдешь въ избу,—баба что-нибудь шьетъ или моетъ, а хозяинъ спитъ; спитъ тогда, когда въ домѣ нѣтъ ни чаю, ни хлѣба; но не удивляешься этому: знаешь и быть, и былое.

III.

Въ окрестныхъ селеніяхъ нашего тихаго уѣзда среди старыхъ башкиръ особенно былъ мнѣ близокъ Угей. Никто не зналъ въ точности, сколько лѣтъ прожилъ онъ на землѣ; ужъ давно онъ ослѣпъ и былъ дряхлъ, но

нить жизни его все еще не перерѣзывалъ, по желанію Бога, суровый пророкъ. Мудрость Угею, какъ и мултѣ, была послана съ неба; онъ зналъ пѣсни о прошломъ народа, о его богатыряхъ, и умѣлъ такъ хорошо рассказывать, что на глазахъ слушателей появлялись слезы и они совершенно забывали про душистый кумысъ...

Старика Угея зналъ я много лѣтъ; онъ жилъ въ небольшомъ селѣ Майнуки, на самомъ концѣ его, у оврага, гдѣ былъ погребенъ въ свое время башкирскій подвижникъ Ульянъ, который, по преданію, ѣздилъ къ русскому хану Ивану просить у него защиты отъ жестокихъ киргизъ.

Угей жилъ въ старой лачутѣ на одно оконце, очень чистой, полной запаха цѣлебныхъ травъ; любилъ ихъ старикъ; и собиралъ ихъ, пользуя односельчанъ отъ болѣзней и лѣченіемъ своимъ прославился... и прекратилъ знахарство лишь по слѣпотѣ.

Жилъ онъ вмѣстѣ съ своей внучкой, сиротой Бибики, молодой, семнадцатилѣтней. Волосы у нея были черны и жестки и лицо было бронзове, полное граціи и силы.

Женщины у башкиръ зачастую очень красивы; красота и дикость, изящество и лѣнь; какъ цвѣтутъ онѣ на охапкахъ грязной соломы, среди стужи, дождей и снѣговъ?

Прекрасны у Бибики были глаза, совершенно черные, какъ ночь, съ длинными изогнутыми рѣсницами и синевою на нижнихъ вѣкахъ; зубы ея были бѣлы, хотя немного велики; нѣсколько крупны были у нея и руки, и ноги, но улыбалась она—и точно пѣла въ ней ея дикая душа; не помнилось, не хотѣлось видѣть, что эта дикая птица была неправильно сложена; самая крупность ея чертъ такъ шла къ ея степной загадочной силѣ.

Старикъ ее обожалъ; и дѣвушка по-своему любила его; Бибики была очень своевольна, капризна и избало-

зана; она вѣчно пропадала въ лѣсахъ или горахъ и застать ее дома было очень трудно; въ противоположность бакирскимъ женщинамъ, она была очень развязна въ обращеніи, не робѣла въ присутствіи новаго лица и бойко объяснялась на оригинально изломанномъ русскомъ языкѣ.

Обыкновенно разсѣянная и насмѣшливая, Бибики притихала, когда слѣпой Угей начиналъ рассказывать свои пѣсни; въ эти минуты, казалось, она очень любила своего дѣда и какъ-будто даже немного его побаивалась; мелькало иногда въ глазахъ ея выраженіе робости и смущенія.

IV.

Мы оба, вмѣстѣ съ Бибики, охотно слушали старика, но дѣвушка предпочитала тѣ легенды, въ которыхъ рассказывалось о храбрыхъ богатыряхъ, влюблявшихъ въ себя красавицъ и даже губившихъ ихъ. Глаза Бибики разгорались, блистали: хищное, острое и упрямое выраженіе зацвѣтало въ нихъ степнымъ цвѣтомъ; глаза становились странно-свѣтлыми и походили на сталь... и невольно думалось, что эта сильная дѣвушка, никогда не знавшая ничего, кромѣ собственной воли, была способна на рѣшительное и опасное.

Бибики иногда пѣла и съ особенной охотой плясала; но пляска ея, неграціозная, негибкая, состоявшая въ круженіи, съ легкимъ притоптываніемъ ногъ, почти на одномъ мѣстѣ, не нравилась мнѣ.

Гораздо больше любилъ я смотрѣть на Бибики, случайно съ ней встрѣтятся въ лѣсу. Огромные глаза ея казались вылитыми изъ стали, на лбу появлялась морщина, и рука, какъ лапа беркута, была простерта впередъ; и вся она, красивая и сильная, напоминала злую и

опасную легендарную женщину-звѣря.. Но правилась мнѣ Бибики и тогда, когда старикъ рассказывалъ свои повѣсти.

Угелъ имѣлъ обыкновеніе повѣствовать ритмически, затягивая слова нараспѣвъ и стараясь придавать фразамъ созвучныя окончанія, для чего нерѣдко приставлялъ даже совершенно лишнія слова: эта манера рассказывать имѣла свою прелесть и не только въ глазахъ башкира, легче запоминавшаго содержаніе легендъ.

Одно изъ его сказаній въ особенности хорошо запомнилось мною,—быть можетъ, потому, что случайно въ тотъ день довелось мнѣ узнать явѣ что интимное въ жизни Бибики.

V.

Была весна, въ самомъ ея началѣ. Въ Башкиріи очень хороши вѣшніе дни; съ ранняго утра я разѣзжалъ верхомъ по горамъ на лошади, любясь чудеснымъ сочетаніемъ въ сущности самыхъ простыхъ красокъ—бѣлой и черной: яркихъ клочковъ кое-гдѣ нестаявшаго снѣга и темной, перепоенной влагой, еще не вездѣ заросшей земли; усталъ я страшно; еще болѣе изнемогла и лошадь; захотѣлось отдохнуть, и я повернулъ въ Майнуки къ слѣпому сказателю.

Ѣхалъ я шагомъ, все засматриваясь по сторонамъ; солнце рѣзко грѣло; небо было залито весеннимъ пожаромъ; весна была дружная; кое-гдѣ уже ярко зеленѣла ранняя травка, освѣщенная косыми лучами заходящаго солнца; молодыя пунцовыя вѣтви деревьевъ казались переполненными сокомъ; отъ земли шель густой и неотразимый запахъ; горы выглядѣли строже; внизу, подъ косягоромъ, небольшая рѣчка выкрасилась въ оранжевый

и желтый цвѣта... Не хотѣлось уѣзжать въ печальное, пустое село, входить въ темную, убогую хату...

Старикъ Угей сидѣлъ на дворѣ своей избы, на пнѣ и, слабо улыбаясь, точно къ чему-то прислушиваясь, поворачивалъ изъ стороны въ сторону свое лицо съ безжизненно-угасшими глазами.

Услыхавши мой голосъ, старикъ поднялся и крикнулъ что-то по-башкирски Бибику; радостно мнѣ было, что дѣвушка дома; я поздоровался съ Угеемъ, съ нею, почему-то выглядѣвшей смущенно, и, поставивъ лошадь подъ навѣсъ, присѣлъ на разостланную посреди двора кошму (войлокъ), на которомъ уже сердито пыхтѣлъ кособокій самоварчикъ.

За чаемъ, къ которому я привезъ старому пѣвцу очень любимого имъ кинмиша, Угей словоохотливо разспрашивалъ меня о томъ, долго ли я еще проживу въ Башкиріи; улегшаяся тутъ же на спину Бибикъ чему-то смѣялась, поѣдая кинминшъ и слегка щурясь отъ солнца; лежала она совсѣмъ безцеремонно, разставивъ руки и раскинувъ обнаженные ноги; время отъ времени она поворачивалась къ старику, искоса поглядывала на меня и смѣялась... но выраженіе затаенной робости такъ и не сходило съ ея лица.

Сообщивши старому Угею всѣ свои новости, я попросилъ его рассказать и мнѣ о былой Башкиріи,—на что тотъ, нимало не чинясь, согласился: Угей никогда не заставлялъ себя упрашивать и приступалъ къ рассказамъ безъ предисловій. Онъ только освѣдомился, что мнѣ было бы интереснѣе послушать; и когда я назвалъ ему уже слышанную разъ мною повѣсть, онъ вдругъ оживился и предложилъ другую, которой я еще не слышалъ. Онъ пообѣщалъ мнѣ рассказать легенду о происхожденіи башкирскаго народа; я, разумѣется, согласился, и онъ началъ:

Еще прежде того, какъ былъ сотворенъ Богомъ великій пророкъ, когда существовалъ на свѣтѣ лишь онъ, Сильный и Страшный, вся земля представляла пустыню. И только одинъ городъ стоялъ на ней въ то время и звался онъ «городомъ злыхъ». Дивно хороши были дома его,—все изъ серебра и желѣза; но настолько же худы и грѣшны были люди, обитавшіе въ тѣхъ жилищахъ: они никогда ничего не дѣлали, ибо были богаты; отъ праздности они постоянно ссорились, враждовали промежъ собой и убивали другъ друга; понятія о добрѣ не было въ ихъ головахъ; братъ женился на родной сестрѣ, жены бѣгали отъ мужей и позорно любили женатыхъ.

Разсказчикъ остановился, чтобъ выпить чаю. Я мелко-комъ, нечаянно взглянулъ на Бибикъ; ея лицо меня удивило: оно все было переполнено удивленія и восторга, глаза сверкали, губы были полуоткрыты... но она не улыбалась, а казалась сосредоточенной, точно обдумывавшей важное дѣло, суровой,—это была совсѣмъ другая Бибикъ.

VI.

Угтей продолжалъ:

Самыя страшныя преступленія оставались въ томъ зломъ городѣ безнаказанными. Гдѣ бы слѣдовало убивать безъ пощады, топить и вѣшать, тамъ злодѣи ходили безъ наказаній и совершали дѣла еще болѣе худшія. И гроза Божія не касалась нечистыхъ; рѣдко-рѣдко убивало кого-либо изъ нихъ каменнымъ дождемъ; рѣдко-рѣдко уничтожалъ кого-нибудь хищный звѣрь.

И было только четыре хорошихъ человека въ томъ городѣ. Двое мужчинъ и двѣ женщины. По цѣлымъ